

Дунайские княжества и Трансильвания глазами русских военных наблюдателей (1848–1849 гг.). (По документам Российского государственного военно-исторического архива)*

Бурные революционные события 1848 г. в Европе не обошли стороной и Дунайские княжества. В конце марта, всего через месяц после отречения короля Луи Филиппа и провозглашения французской Второй республики и всего через две недели после начала 15 марта венгерской революции, происходят волнения в Яссах, столице Молдавского княжества¹. Всерьез обеспокоенный господарь М. Стурдза обратился за помощью как к Высокой Порте, обладавшей сюзеренитетом над Дунайскими княжествами, так и к России, которая, в соответствии с Адрианопольским мирным договором 1829 г., имела статус покровительствующей державы, гарантирующей довольно широкую к этому времени автономию Княжеств². Как Петербург, так и Константинополь направили в Яссы своих полномочных эмиссаров; с российской стороны это был генерал А.О. Дюгамель. Перед отъездом в Молдавию с ответственной миссией им были получены письменные инструкции от министра иностранных дел и канцлера графа К.В. Нессельроде от 1 (13) апреля 1848 г.

Как писал Нессельроде, перед лицом «торжества демагогии», угрожающей Европе «полной гибелью», Россия «решила держаться оборонительной политики», ограничившись сосредоточением «внушительных сил» вдоль своих границ. «Она будет воздерживаться от всего, что могло бы быть понято или истол-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы», № 19-59-23005.

ковано как стремление вмешаться» во внутренние дела других государств. Затем последовало немаловажное уточнение: «Если нам позволительно присутствовать в качестве простых зрителей при изменениях, происходящих в Западной Европе, то мы не можем сохранять ту же чисто наблюдательную позицию по отношению к странам, где, согласно договорам, мы имеем права, которые должны защищать, и обязанности, которые должны выполнять. К этой именно категории принадлежат Молдавия и Валахия» — в соответствии с правом на покровительство согласно Адрианопольскому мирному договору³.

По оценке Нессельроде, развернувшаяся по всей Европе работа подрывных сил, тайные интриги греческих гетерий, усилия агентов польской эмиграции, «обещания поддержки, расточаемые [уже установленной к этому времени. — А. С.] французской республикой» разного рода антимонархическим элементам в других странах, — всё это может дать новый толчок революционным заговорам, способным раскинуть свои сети на все христианские провинции Османской империи. Ведь «горючего материала там имеется много. Малейшая искра, — отмечает автор инструкции, — может зажечь всеобщий пожар, который оживит восточный вопрос со всеми его опасными осложнениями». Поскольку «традиционная беспечность» турок не позволяет положиться на них в деле охраны безопасности областей, находящихся под российским покровительством, «император счел полезным еще решительнее подчеркнуть свою заботу о порядке и мире в Дунайских княжествах»⁴.

Перед генералом Дюгамелем была поставлена задача тщательно следить «за симптомами возмущения повсюду, где бы они ни проявились», и держать императорское министерство в курсе всех своих наблюдений. Нессельроде к этому времени уже знал о том, что известия об установлении во Франции республики произвели, как и ожидалось, в Дунайских княжествах, а особенно в Бухаресте, сильное впечатление⁵, выявив (особенно среди экзальтированной радикальными идеями молодежи) «симпатии к демагогическим доктринам, провозглашенным Францией». Более того, события в Вене, а затем и в Венгрии, дали новый импульс брожению умов, призвав официальный Санкт-Петербург

к принятию новых мер предосторожности. Учитывая склонность молодежи к радикализму и ее систематические «сношения» с исходящей из-за границы революционной пропагандой, российский канцлер считал целесообразным посоветовать господарям Молдавии и Валахии запретить молодым людям посещение заграничных университетов, откуда они привозят «разрушительные доктрины», и вообще ограничить поездки за рубеж и вместе с тем выслать за границу разного рода эмиссаров, «поддерживающих в княжествах искусственное возбуждение», «подстрекающих к мятежу и рассчитывающих воспользоваться им для осуществления гнусных проектов разрушения и анархии»⁶.

В сложившихся условиях от российских консульств в Дунайских княжествах требовалось усилить бдительность. В случае возникновения «тревожных осложнений» следовало бы заверить господарей в готовности России оказать действенную помощь, однако во избежание ложных толкований со стороны западных недоброжелателей⁷ господарям необходимо было дать понять, что любые решительные шаги по защите Княжеств могут осуществляться только по согласованию с Портой. Для того, чтобы приезд Дюгамеля оказал более сильное воздействие на умы, генералу было предложено объявить во всеуслышание перед «здоровой частью общества» о незыблемости политической организации Княжеств, установленной в соответствии с существующими договорами. Речь шла о том, что, оставаясь неотъемлемой частью Османской империи, они вместе с тем были наделены «особым привилегированным управлением» в соответствии с Органическими регламентами, действие которых гарантировано покровительством России.

В мае 1848 г. смута охватила Валашское княжество, а в июне его господарь Г. Бибеску, под давлением депутации радикально настроенных оппозиционеров, явившейся к нему во дворец, был вынужден подписать конституцию, составленную революционным комитетом, и признать новое правительство, разнородное по своему составу⁸. В события активно включались возвращавшиеся на родину во всеоружии новейших европейских либеральных идей румынские политэмигранты — они прибывали не только из Франции, где многие из них получили образование, но и

из соседних с Дунайскими княжествами земель (в том числе из принадлежавшей Габсбургам Буковины, до 1777 г. входившей в состав Молдавского княжества). Они выступали под лозунгами национального единения, за объединение Румынских княжеств и проведение в них преобразований с целью ограничения административного произвола властей. Получила распространение пропаганда не только республиканских взглядов, но и разрыва прежних отношений с Портой, строившихся на основе признания ее сюзеренитета, а также упразднения Органических регламентов как юридической основы существующей власти со всеми ее административными и финансовыми злоупотреблениями.

В Трансильванию, входившую в состав Габсбургской монархии, перекинулись события венгерской революции, при этом уже к маю 1848 г., когда в Блаже было созвано национальное собрание трансильванских румын, обнародовавшее свои программные документы, проявились принципиальные противоречия между венгерским и румынским национальными движениями. Лидеры венгерского движения взяли курс на полное упразднение трансильванской автономии в унитарном венгерском государстве, созданном на основе концепции единой венгерской политической нации. Но это было совершенно неприемлемо для румын Трансильвании, составлявших в этом крае большинство населения⁹.

Хотя в Молдавии ситуация в целом контролировалась правительством, по мере осложнения ситуации в Валахии и Трансильвании обеспокоенный Дюгамель, ссылаясь на просьбу М. Стурдзы (хотя и не исключал его замены на другого господаря), начиная с июня 1848 г., торопил с вводом российских войск в Молдавское княжество, чтобы загодя блокировать развитие революционных событий на территориях, находящихся в непосредственной близости от границы Российской империи. Однако Николай I отдавал предпочтение охранительной, а не наступательной тактике и проявлял колебания, опасаясь международных осложнений. Согласно его предписанию, ввести войска можно было бы только в самом крайнем случае, ненадолго и обязательно по согласованию с Высокой Портой, чьи воинские части также должны были принять участие в наведении порядка¹⁰. Однако передовой отряд российских войск успел перейти реку Прут и вступил в Молдав-

ское княжество еще до получения депеши из Санкт-Петербурга, лишь по настоянию Дюгамеля, что привело к трагическому инциденту: командовавший соединением генерал Д.А. Герштенцвейг, узнав о том, что поторопился с исполнением воли монарха, снял с себя командование, а потом застрелился. Тем не менее, начиная с конца июня, в связи с усилением волнений как в Валахии, так и особенно в Трансильвании, русские войска не только занимают Молдавское княжество, но и продвигаются как к границам Валахии, так и к Карпатам, за которыми начинались владения Габсбургов, т.е. Трансильвания. Здесь уже происходили кровавые межэтнические столкновения¹¹, и румынское население приграничных областей, которому реально угрожали довольно воинственно настроенные секеи (особая венгероязычная группа, проживающая в горных районах Восточной Трансильвании), зачастую искало убежище за Карпатами, т.е. в Молдавском княжестве¹². Опасения проявляли и трансильванские немцы, в том числе богатое бюргерство традиционных центров немецкой культуры Трансильвании — городов Херманштадт (ныне Сибиу) и Кронштадт (ныне Брашов), расположенных в предгорьях Южных Карпат, неподалеку от границы с Валашским княжеством.

Когда вступление русских войск в Молдавское княжество стало фактом, Николай I распорядился, чтобы официальное сообщение об этом появилось в придворном официозном издании «Journal de St.Petersbourg». В нем было сказано о мотивах военной акции и упомянуто о том, что передвижение русских и турецких войск носит скоординированный характер¹³. Вместе с тем ввод в Молдавию русского воинского контингента, 5-го пехотного корпуса под командованием опытнейшего и авторитетного военачальника генерала А.Н. Лидерса, дал повод для разных предположений. В некоторых европейских столицах распространились слухи о заключенном будто бы секретном соглашении, по которому Османская империя согласилась уступить Российской империи сюзеренитет над своими автономными провинциями (Молдавией и Валахией) за определенную денежную компенсацию. Глава российского посольства в Вене граф П.И. Медем информировал графа Нессельроде в депеше от 22 июня (4 июля) 1848 г. о том, что к нему обратился за разъяснениями, в частно-

сти, находившийся в имперской столице князь Пал Эстерхази, министр иностранных дел в первом венгерском, пришедшем к власти на революционной волне, но при этом не порывавшем с Габсбургами правительстве. Медем назвал все эти разговоры основанными на чистой выдумке, ссылаясь на строгое соблюдение Россией договоров с другими державами. При венском дворе он разъяснял, что интересом и долгом России является следить за тем, чтобы были обеспечены спокойствие и законный порядок на землях, находящихся под ее покровительством, а посему надо опасаться «вредных настроений» возвращающихся в Дунайские княжества из-за границы (главным образом, из Франции) лиц, не только «преисполненных пагубными идеями»¹⁴, но и пребывающих в постоянном сношении с бунтовщиками (поляками, французами, венгерцами) — в первую очередь, необходимо именно их поставить под наблюдение¹⁵. Российский посланник обращал внимание и на формирование в Трансильвании близ границы с Валахией отрядов добровольцев с очевидной целью проникновения в Княжество и дальнейшей дестабилизации там положения (имелась в виду, в первую очередь, деятельность радикального крыла румынского национального движения во главе с Н. Бэлческу). Эти опасения не были беспочвенными: ситуация в Валахии осложнялась. Фактически утративший власть господарь Г. Бибеску счел за лучшее в конце июня перебраться на территорию Австрийской империи, но при этом не отказывался от властных полномочий и даже контактировал с умеренным крылом развернувшегося общественного движения. Сформированное временное правительство, хотя и пыталось проводить умеренные реформы (направленные, главным образом, на ограничение административного произвола и казнокрадства), далеко не в полной мере контролировало ситуацию, а формально возглавивший его консервативно настроенный митрополит Неофит не обладал реальным политическим влиянием. По сообщениям, поступавшим из Бухареста в Яссы командованию русских войск, вступивших в Молдавию, «незаконными властями, учрежденными революционной партией, был собран народ для подтверждения, что новый порядок вещей не есть только внушение некоторых желающих политического переворота лиц, а единодушное выражение всеобщее-

го желания народа. В уездных городах записываются желающие в национальную гвардию, но как говорят, не с большим успехом». Радикалы, как в Валахии, так и в Трансильвании, читаем в том же рапорте от 13 августа, «ропщут и бранят жителей Княжества Молдавии, что они не решаются принять участие в общем деле». Речь шла о борьбе под лозунгами национального объединения.

Австрийский МИД 7 (19) июля 1848 г. информировал свое посольство в Петербурге о реакции в Вене на известие о вступлении русских войск в Молдавию и расположении их в непосредственной близости как от Валахии, так и от границы Австрийской империи. Право России на протекторат над Дунайскими княжествами, признанное по Адрианопольскому договору, не подвергалось сомнению. Вместе с тем эта новость произвела глубокое впечатление на общественное мнение, ожидались запросы в МИД со стороны сеймов, созванных в условиях революции как в Вене, так и в Пеште, поскольку возникли опасения русского военного вмешательства в целях полной реставрации прежнего абсолютистско-меттерниховского режима. С российской стороны, т.е. графом Медемом, разъяснялось, что предпринятые меры никак не затронут безопасности владений Австрии. Однако в Вене, желая успокоить общественность, ждали от России всё новых и новых подтверждений об отсутствии у нее намерений вмешиваться во внутренние австрийские дела, тем более в условиях углублявшихся в Империи внутривнутриполитических конфликтов (венгерско-сербские межэтнические столкновения в Южной Венгрии, недовольство румын Трансильвании в связи с объявленным пештским правительством слиянием этого края с Венгрией с утратой им какой-либо автономии). Особую обеспокоенность российскими планами проявляли именно венгерские политические силы: эмиссары пештского правительства не скрывали в Вене своей тревоги, которую «было бы очень желательно успокоить, чтобы не вызвать нового возбуждения в стране, где и так сейчас страсти сильно разгорелись»¹⁶. Граф Медем, встречаясь с князем Эстерхази, заверял его в том, что при императорском дворе надеются на способность правительств Молдавии и Валахии своими силами воспрепятствовать дальнейшей дестабилизации и подрыву законной монархической власти

в Княжествах. В случае же если без российского вмешательства в дела законно покровительствуемых Россией Княжеств и далее не удастся обойтись, в Петербурге не намерены в законном стремлении к восстановлению порядка давать «никаких поблажек мятежникам, какой бы национальности и какой бы категории они ни были», поскольку несвоевременные уступки могут быть истолкованы как недостаток решимости и слабость. Посол заметил, что Россия не может поступаться своими правами и интересами, особенно в нынешней сложной ситуации, и призвал своего собеседника «привлечь внимание венгерского правительства на необходимость предупреждать всё, что могло бы скомпрометировать добрые пограничные отношения с княжествами»¹⁷.

Как явствует из документов, особую обеспокоенность царского двора в связи с революционными событиями в Средней Европе вызывала перспектива оживления на международной арене польского вопроса, угрожавшего целостности Российской империи в ее существующих границах¹⁸.

С первых месяцев венгерской революции официальный Санкт-Петербург обратил внимание на активное вовлечение в нее поляков, причем, некоторые из них (Ю. Бем, Х. Дембинский и др.) заняли командные посты в формировавшейся венгерской национальной армии (гонведов). Наиболее значительным из польских военачальников, проявивших себя в событиях 1848–1849 гг., был Юзеф Бем (1794–1850), не только участник наполеоновских войн, но и видная фигура польского восстания 1830–1831 гг. О Беме упоминается во многих рапортах о передвижениях и действиях 5-го пехотного корпуса Лидерса, дислоцированного с 1848 г. в Дунайских княжествах, а в 1849 г. участвовавшего на территории Трансильвании в кампании русской армии по подавлению венгерской революции¹⁹. По оценкам русских военных наблюдателей (впрочем, не адекватным реальному соотношению сил), Бем, взяв Трансильванию под полный контроль венгерской революционной армии, приложил бы потом усилия, чтобы «перенести сколь можно скорее театр возмущения в Галицию», т.е. в польские земли Габсбургской монархии, что представляло уже прямой вызов спокойствию в соседних с ними польских землях Российской империи²⁰. Очевидно, что Бем, как и другие вовлеченные в со-

бытия 1848–1849 гг. деятели польского освободительного движения, мыслил полное и окончательное решение польского вопроса не иначе как на основе восстановления независимого польского государства в границах, гарантирующих его жизнеспособность, а это могло произойти только в результате кардинального пересмотра среднеевропейских границ, затрагивающего напрямую Российскую империю. Тема реального или потенциального участия поляков в событиях, нарушающих спокойствие Империи, начиная с лета 1848 г. постоянно находила отражение в донесениях, адресованных в Петербург из Дунайских княжеств²¹. Настороженность, связанная с Бемом, была тем сильнее, что он фактически являлся единственным военачальником венгерской армии, кто реально пытался гасить венгерско-румынские межэтнические трения в интересах сплочения национальных движений обоих народов на антигабсбургской основе, хотя в этом и не слишком преуспел²². Существовали также опасения, что венгерские отряды (особенно секеев), перейдя Карпаты, спровоцируют на выступления против властей венгероязычное население, проживающее в предгорных районах Молдавского княжества (так называемое чанго), тем более, что оно подвергалось немалым экономическим притеснениям именно на землях, принадлежавших боярскому роду Стурдза, к которому относился правящий молдавский господарь.

Таким образом, русские войска были не только введены в Молдавское княжество, но и расположились на его границе с Валахией, что вызвало определенную настороженность в западноевропейских столицах, но не привело к официальным протестам, и прежде всего ввиду реальных опасений распространения революции на всё новые и новые земли (русская армия могла послужить в этих условиях в качестве сдерживающей силы). Нессельроде в своей депеше Меду с инструкциями от 8 (20) июля указывал на то, что внутреннее положение в дунайских автономных провинциях Османской империи приняло за последнее время весьма угрожающий характер: если в Молдавии спокойствие висит на волоске, то в Валахии произошло настоящее восстание, вынудившее господаря Бибеску бежать из Княжества. Главные истоки беспокойства виделись в активности «эmissаров поль-

ской пропаганды» и авантюристов разных стран, которые надеются вызвать «всеобщий пожар» на Востоке. Медем должен был опровергать широко распространенные «при современном настроении умов» «извращенные толкования» о будто бы корыстных целях России — использовать потрясения в Европе для своего расширения за счет Турции. Медему было поручено постоянно разъяснять при венском дворе, что только интересы безопасности Российской империи поставили Николая I после 4-месячных колебаний «перед печальной необходимостью» прибегнуть с крайним нежеланием к «мерам военного принуждения» и начать совместно с Портой изыскивать меры, чтобы остановить опасное развитие событий. Операция по оказанию помощи «дружественной и союзной державе (sic!) в интересах защиты ее сюзеренных прав и сохранения неприкосновенности» гарантированных ей Петербургом владений называлась важной «для территориального и политического равновесия Европы». Как отмечалось далее, своими действиями Россия оказывает реальную услугу не только Турции, но и Австрийской империи, «ибо опьянение и восторг, которые вызвало бы возрождение румынской нации, не преминуло бы передаться народностям той же национальности, обитающим в Трансильвании, и они попытались бы, в свою очередь, освободиться путем революции из-под владычества Австрии, чтобы соединиться со своими братьями в Турции и образовать единое тело, независимую Румынию, которая может занять свое место в среде европейских государств лишь в ущерб целостности Турции и Австрийской империи». Медем должен был вместе с тем заверить венский двор, что военная операция тотчас же прекратится с достижением на этих землях совместными усилиями порядка и спокойствия, и российские войска немедленно отойдут, заняв на своей границе наблюдательные позиции²³.

Что касается румынских политически активных кругов в обоих Княжествах, то приход русских войск был, безусловно, поддержан сторонниками сохранения незыблемости устоев. Это нашло отражение в многочисленных военных рапортах и служебных дневниках штаб-офицеров корпуса Лидерса, адресованных вышестоящему командованию. Как читаем в рапорте от 20 августа

1848 г. в том же деле 5332 (Ф. 846. Оп. 16), «Консервативная или благомыслящая партия [в Валахии] желает восстановления прежнего порядка с некоторыми необходимыми переменами, ежедневно увеличивается и с нетерпением ожидает прибытия русских», которые будут встречены ею «с Крестом и Евангелием» — в отличие от турок, нерасположение к которым в народе довольно велико.

Иначе реагировали на сложившуюся ситуацию, как показывают всё те же документы, сторонники более решительных мер. В Валахии, ожидавшей возможного прихода русских войск, даже весьма умеренное, не прерывавшее связей с Портой временное правительство требовало — на случай не столько османского, сколько русского нашествия — всеобщего вооружения и ополчения народа. Хотя, как отмечалось в российских армейских рапортах, исходивших из корпуса, дислоцированного в это время в Молдавии, попытки вооружить народ были не слишком успешны: «Оружие в Валахию из-за границы не доставлено», правда, было «прислано из Венгрии пороху до 1000 пудов». В Молдавии, где русские войска уже стояли, как читаем в рапорте за конец августа, «общее неудовольствие на князя Стурдзу ... стараются обратить в ненависть к русским войскам, поддерживающим его власть». При этом среди противников Стурдзы было немало знатных бояр, готовивших его смещение, тогда как поддерживал его средний класс: лица, произведенные им в боярство и получившие чиновничьи должности, «привержены безусловно к нынешнему порядку вещей». Низший же класс, по оценке русских военных наблюдателей, зачастую воспринимал власть Стурдзы и его окружения как в определенной мере гарантию стабильности. В рапорте отмечалось, что он не оказывает ни малейшего сопротивления и «в русских видит своих законных защитников против некоторых бояр и эмиссаров, которые делают им притеснения несмотря на превосходное положение, в которое они поставлены Органическим регламентом. Низкий класс по простому и здравому смыслу лучше самих бояр понимает, что всякое улучшение в их быту они ожидать могут не от вмешательства какой-либо другой державы, а от покровительственной, которая первая положила основание их улучшенному быту и с которой их связывает

религия». В другом рапорте того же периода отмечалось, что часть сельского населения с приходом русских войск проявляла, хотя бы внешне, «приветливость и радость», может быть вполне ценя «благоденствие для них Всеавгустейшего монарха нашего, клонящееся к дарованию им мира и спокойствия».

Что касается турецкой стороны, которую в Петербурге усиленно пытались склонить к скоординированным действиям в целях удержания ситуации в Дунайских княжествах под контролем, то она, не подвергая сомнению право России на вмешательство, поначалу занимала выжидательную позицию: «Сулейман паша ждет разрешения своего двора, обнадеживая валахов, что дела устроятся в их пользу», а «Рифат паша не получил еще значительных подкреплений и не думает тронуться с места», — читаем в военном рапорте от 13 августа²⁴. Однако уже с конца июля начинаются пополнение военных соединений, дислоцированных в Силистре и других турецких придунайских крепостях, а затем и постепенная переправка их с болгарской территории через Дунай и сосредоточение уже на валашском берегу реки, в частности, в районе Джурджу, на расстоянии около 100 км от Бухареста. В военных рапортах конца августа, со ссылкой на проезжавших из Османской империи через Молдавию французских офицеров, говорилось, что «Сулейман паша имеет все материальные, умственные и моральные средства к усмирению валахов без помощи русских» и что «турецкие гарнизоны в Варне и в Дунайских крепостях усилены», а «на границе сербов собирается большой корпус турецких войск». Поступавшая информация порождала опасения, что турки выберут из числа оппозиционных прежнему господарю Бибеску умеренных сил временного правителя (каймакама) Валахии, с которым заключат союз именно на антироссийской основе, настояв на пересмотре статуса России как покровительствующей державы. И действительно, приходили сообщения о том, что Сулейман паша потребовал самороспуска правительства и готовит назначение нового каймакама, не согласовав эту меру, как было принято, с российской стороной.

Непрекращающееся соперничество двух держав за влияние в Дунайских княжествах делало нежелательным для Санкт-Петербурга усиление османских позиций за счет российских,

и Николай I дал добро на вступление русских войск в Валахию. Военный министр России А.И. Чернышев в начале сентября направил соответствующую депешу генералу А.Н. Лидерсу. Ввод войск в Валахию прямо объяснялся необходимостью «отнять у незаконного каймаканства, утвержденного Сулейманом пашею, возможность усилить свое влияние на Валахию и не дать времени распространить оное на Молдавию»²⁵. Суть полученного приказа заключалась в том, чтобы «вступить безотлагательно в Валахию, следовать в Бухарест, арестовать зачинщиков мятежа, уничтожить всякое сопротивление, учредить по соглашению с генералом Дюгамелем новое каймаканство, на основании Органического статута, и не очищать Валахии впредь до особого повеления». При этом следовало не только избегать конфронтации с турками, но и по возможности согласовать с ними вопрос о назначении в Валахии новой власти: «Генералу от инфантерии Лидерсу должно исполнить это важное дело с быстротою и решимостью, которые обеспечивают успех военных предприятий, и что в нравственном отношении весьма желательно, чтобы турецкие войска участвовали в действиях наших, особенно в случае сопротивления мятежников, вооруженною рукою».

В Константинополе, однако, предпочитали играть в свою игру, поначалу дистанцируясь от какой-либо координации действий с российской стороной. В качестве проводника более твердой линии в Валахию прибыл новый эмиссар Высокой Порты — Фуад эфенди. Поскольку волнения в городе не прекращались, 13 (25) сентября османские войска вошли в Бухарест, занявшись «наведением порядка», что привело к масштабному кровопролитию. Единственным законным представителем валашских властей османы признали митрополита Неофита. Члены разогнанного правительства и многие сторонники реформ по большей части бежали в предгорье за 100 км к северу от столицы, либо переместились в Олтению (или Малую Валахию, т.е. западную часть Княжества с главным городом Крайова, за рекой Олт), где еще продолжали некоторое время сохранять свои позиции. Военным комендантом Бухареста стал Омер паша.

Чтобы не уступить османам всю политическую инициативу, 16 (28) сентября на территорию Валахии были введены русские

войска. Этому предшествовало обнародование декларации на румынском языке, в которой разъяснялось, что сделано это с согласия Оттоманской Порты и «в силу предшествовавших трактатов для водворения законного правления и порядка»²⁶. В приграничных Фокшанах²⁷ революционно настроенная публика продемонстрировала протест, выступая под трехцветным национальным знаменем. Духовенство, в свою очередь, проявило лояльность, ведя за собой немалую часть населения. «Фокшанский архимандрит с духовенством в полном облачении с Евангелием и Крестом и несколькими депутатами от города» явились к Лидеру «с изъявлением радости о приходе в Валахию войск его Императорского Величества как о несомненном ручательстве, что порядок, так долго нарушаемый в их стране, будет наконец водворен... Они говорили, что большинство принадлежит благомыслящей партии, что мятежники составляют самое малое число, но что им нельзя было противиться, потому что они имели силу правительства»²⁸. Как отмечалось далее в том же рапорте, «народ встречал войска с видом совершенной покорности; он сам указывал на людей, которые наиболее участвовали в видах их незаконного правительства и служили орудиями его действий». В результате многие активисты движения (или, на языке военных рапортов, «зачинщики мятежа») были арестованы, включая священника, публично сжегшего текст Органического регламента²⁹. Такая лояльность может быть объяснима элементарным страхом перед вошедшей в край иностранной военной силой. В том же рапорте не скрывалось, что одно только имя «русского и казака» стало пугающим для нарушителей общественного спокойствия³⁰. Аналогичным образом и в г. Рымник депутация во главе с местным духовенством вышла навстречу вступившей в город русской армии, после чего последовали задержание «неблагонамеренных» элементов и разоружение населения.

Высокая Порта восприняла ввод русских войск в Валахию как нежелательную акцию, противоречащую османским интересам. Обладавший большими полномочиями эмиссар Константинополя Фуад эфенди, получив от Лидера из Ясс уведомление о начале операции, «просил остановить движение русских к Букаресту, считая, [что] турецких войск слишком достаточно для

успокоения Валахии»³¹. Обращаясь к Дюгамелю, он «просил задержать движение войск по крайней мере до получения решения кабинетов и продолжал уверение, что спокойствие в Валахии совершенно восстановлено». Российская сторона придерживалась иного мнения — «Валахия еще далека от должного порядка и повиновения»: в горах формируются вооруженные отряды, а ситуация в Малой Валахии, за рекой Олт, вообще никак не контролируется; край этот, по оценкам русских штабных офицеров, находится «в полном возмущении». Командование с самого начала было сильно озабочено тем, чтобы отношения с турками оставались бесконфликтными, строились на принципах «дружества и согласия», ибо только совместные скоординированные действия могли «произвести желаемое нравственное влияние на умы жителей провинции».

В те же дни Нессельроде поручил посланнику в Константинополе В.П. Титову передать молодому султану Абдул-Меджиду I письмо, где речь шла о том, что вступающие в Валахию русские войска должны соединиться с турецкими военными силами для умирения этой провинции. Посланнику предстояло убедить султана в честности и бескорыстности намерений официального Санкт-Петербурга в вопросах, касающихся статуса Княжеств, отданных в 1829 г. под российский протекторат, внушить ему убеждение о необходимости действовать общими силами, чтобы скорее восстановить «законный порядок» в Валахии, ибо это единственный путь, соответствующий «достоинству и подлинным интересам Оттоманской империи». Предполагалось также обратить внимание султана на опасность недоброжелательных инсинуаций, направленных на то, чтобы «посеять между Россией и Портой семена недоверия и зависти» и «вызвать осложнения, которые пропагандисты революции и пылкие политики рассчитывают использовать на Востоке для своих разрушительных планов и безумных утопий»³².

Когда авангард русской армии подошел к Бухаресту, он был встречен митрополитом Неофитом, изъявившим благодарность российскому императору за «отеческую попечительность» в условиях, «когда дух возмущения, господствовавший три месяца, привел к совершенному ниспровержению общественного порядка»³³.

С этих пор и до 1851 г. в Валашском княжестве существовал режим двух оккупационных армий, которые, в силу сложившегося положения, должны были взаимодействовать между собой в обоюдном стремлении не допустить к власти радикалов. В 1849 г. была подписана Балто-Лиманская конвенция, восстановившая действие Органических регламентов при некотором урезании внешнеполитической автономии обоих Дунайских княжеств. Попытки создания в Валахии собственных вооруженных сил (Национальной гвардии) осенью 1848 г. нещадно пресекались.

С приходом русских войск в Бухарест общими усилиями турецкой и русской оккупационной администрации были приняты меры по расследованию происходивших событий и привлечению к ответственности участников революционных выступлений. Как читаем в военном рапорте осени 1848 г., «Комиссия, учрежденная для исследования степени вины и участия в возмущениях, происходивших в Валахии, каждого из арестованных лиц или находящихся на поруках, с деятельностью и с успехом продолжает свои заседания. Многие из задержанных лиц освобождены немедленно, как только выяснилась их невинность, а лицам, удаленным по подозрениям от службы, но вполне оправдавшимся пред Комиссиею, безотлагательно возвращены прежние их места или даны равные им другие. При расследовании сем открывались новые лица, причастные к революции, и потому оные тотчас были арестованы, или приняты меры, в случае их отсутствия, для открытия местопребывания оных»³⁴. Немалое количество видных участников волнений, бежав сначала в Олтению, после взятия до конца осени и этой провинции под контроль, и вовсе покинуло Валахию.

Поскольку за горами, т.е. в соседней Трансильвании, было крайне неспокойно и с каждым месяцем только обострялись межэтнические распри, были приняты меры по усилению контроля за путями сообщения с этой габсбургской провинцией, где румыны составляли большинство населения. «Чтобы совершенно прекратить сообщение жителей Горной Валахии с пограничными селениями Трансильвании, которые они до сего почти свободно и весьма часто посещали для торгу, промыслов и покупки разных хозяйственных потребностей, — сообщается в одном из рапор-

тов, — по требованию г. корпусного командира [т.е. А.Н. Лидерса. — А. С.] правительством Княжества постановлены весьма точные правила, по коим запрещено выходить из пределов Валахии и входить в оную всем лицам без изъятия, без установленных на сей предмет паспортов, проверка коих возложена на строгую ответственность начальников таможен и пограничных приставов. Самые паспорта дозволено выдавать только лицам вполне благонадежным и то с крайнею осторожностью и только по самой необходимой надобности. Всех же людей без установленных видов, или пробирающихся тайком по горным тропинкам, приказано было задержать и предавать суду, как ослушников. Проезды же и проходы чрез пограничную черту дозволены лишь по одним почтовым, транзитным и известным правительству дорогам. Лица же, являющиеся на границу с просьбою укрыть их от преследований и волнений в крае, принимаемы по-прежнему (нередко целыми семействами и большими толпами) и отправляемы в места более отдаленные от границ, в которых правительством валахским доставляемо им помещение и способы к продовольствию»³⁵.

Рапорты офицеров корпуса генерала Лидерса показывают определенную координацию действий Российской и Османской империй перед лицом революционных событий в Средней Европе. Ни одна из сторон не хотела усиления позиций другой в ущерб собственным интересам в этой части Юго-Восточной Европы и внимательно следила за соперницей, что не мешало им тесно сотрудничать в деле «наведения порядка» в Валахии. Отношения двух держав были (особенно напоказ элитам Румынских княжеств!) достаточно корректными, осенью 1848 г. еще мало что предвещало новое, очень скорое их обострение, приведшее в 1853 г. к Крымской войне. Показательно в этом плане подробное и полное красок описание обер-квартирмейстером полковником А.А. Непокойчицким совместного празднования 6 декабря по старому стилю дня тезоименитства Николая I: «Обед в манеже Гики был замечателен по красоте внутреннего убранства сего здания, по тщательности и чистоте обеденных столов, посуды, белья и прочих и по обилию вина и кушаний. Против входа, на противоположном конце, было сделано вензелевое изображение имени государя императора из разного оружия

и принадлежности к оному. Над входом были устроены хоры, где находились наши генералы, Фуад эфенди, Омер паша, каймакам, значительнейшие бояре, несколько из старших штаб-офицеров и некоторые дамы из высшего класса. К обеду назначены были нижние чины, имеющие знаки военного ордена, медали, как пожалованные турецким султаном..., так и другие, и нашивки. Солдаты сохраняли за столом порядок удивительный, несмотря на их многочисленность: будто бы каждый из них не раз уже сидел за таким парадным столом.

Нельзя было не любоваться на бодрых видом, осанкою и ясно выражавшимся на лицах веселием. На все заздравные тосты, с хор провозглашаемые, отвечали они криком “Ура!” громогласно и радушно. В особенности был продолжительным и громким сей крик при первом тосте “за здравие, долголетие и благоденствие его Императорского Величества”. После этого генерал Лидерс провозгласил тост за здоровье султана. Затем Фуад эфенди поднял бокал в честь храброй русской армии, на что корпусный командир отвечал ему тостом в честь войск Оттоманской Порты. После оного предложен был тост за благоденствие Букареста, и, наконец, распорядившись столом генерал-майор Фохт провозгласил тост за здоровье генерала Лидерса. За обедом играл полный хор музыки валахской милиции, и в то же время не вдалеке оттуда на площади против главной гауптвахты, рядом с квартирою корпусного командира, играла музыка Ахтырского гусарского полка, остававшаяся здесь до 6 часов вечера. В три часа пополудни после солдатского обеда хоры песенников собрались на дворах полковых, батарейных и ротных командиров и пели с барабанами, бубнами и свистками до 8 часов вечера. От 6 до 9 часов вечера музыка Модлинского пехотного полка играла на дворе российского консульства, а при отдохновении оной пел там хор песенников, предварительно для сего выбранный из лучших в войсках. Погода была удивительная, ясная и тихая, так что на солнце было 10 градусов тепла по Реомюру. На улицах, на площадях теснились экипажи и гулящие: русские, валахи и турки составляли общие толпы.

В 4 часа был дан обед генералом Лидерсом на 70 кувертов³⁶. На оный были приглашены все генералы и штаб-офицеры на-

ших войск, Фуад эфенди и все турецкие генералы, иностранные консулы, штаб-офицеры валахской милиции, первоклассные чины княжества и почтеннейшие бояре. После тоста за здоровье государя императора, генерал Лидерс предложил тост за здоровье султана, дружество и союз двух держав. Фуад эфенди вслед за ним провозгласил тост за здоровье государя императора и в честь взаимных обоих дворов. Затем продолжались тосты за войска обеих держав, за благоденствие валахов и некоторые другие. Крик “Ура!”, дружно возглашаемый при каждом тосте всеми посетителями, повторяем был толпами, теснившимися на дворе, на соседней площади и улице, и терялся между громом наших орудий, песнями солдат и хорами музык, игравших народный гимн “Боже Царя храни”. Нашим батареям снова отвечали турецкие орудия.

В 6 часов город заблистал бесчисленными огнями. На главных улицах все почти дома были иллюминированы. Щит на дворе квартиры корпусного командира был сделан с замечательным искусством и великолепием своим устремлял на себя общее внимание. Прекрасно также были иллюминированы дома, занимаемые Дюгамелем, Фуад эфенди, Омер пашею, российским консульством, корпусным штабом, каймакамом, турецкие казармы, присутственные места и многие дома частных лиц. Несметные толпы покрывали главную улицу Могушой часов до 9 вечера, так, что экипажи, развезжавшиеся от обеда генерала Лидерса, а потом ехавшие на бал генерала Дюгамеля, должны были двигаться шагом, мало помалу, беспрестанно останавливаясь и выжидая пока очистится место.

Бал, данный генералом Дюгамелем, был также великолепен и продолжался до 5-го часа утра. Множество посетителей едва вмещались в огромных двух залах.

Несмотря на общее веселье русских и валахов и даже турок, несмотря на многочисленную чернь, двигавшуюся во весь день по всем направлениям, и на обильные угощения солдат, не было ни одного малейшего происшествия, и везде сохраняемы были приличия и совершенный порядок.

День сей празднуем был с таким же радушием и в других местах Княжества»³⁷.

Тесное российско-турецкое сотрудничество в Валахии не отвечало видам Лондона, где воспринимали это как симптом некоторого ослабления британского влияния в Юго-Восточной Европе. Близкую позицию заняло и французское республиканское правительство. 1 (13) октября русский консул в Бухаресте Коцебу доносил о том, что британский консул тайно подстрекает мятежников, обещая им помощь своей державы, а встречаясь с турецкими эмиссарами, призывает их настаивать на скорейшем выводе русских войск ввиду того, что стабилизовавшаяся обстановка не делает больше их присутствие в Княжестве необходимым. В этих условиях Нессельроде в своей депеше от 27 октября (8 ноября) 1848 г. обратил внимание главы российского посольства в Лондоне Ф.И. Бруннова на появившуюся информацию о том, что между Парижем и Лондоном идут переговоры «об установлении сердечного согласия», направленного против российских интересов в Дунайских княжествах. Послу было предписано добиться аудиенции у министра иностранных дел Великобритании лорда Г. Пальмерстона и дать ему понять, что враждебное России поведение британских консулов в Княжествах, поддерживая нездоровый революционный дух, способно лишь продлить пребывание там русских войск³⁸.

Между тем оккупационный режим не вызвал активного сопротивления румынского населения. Хорошо отраженная в военных рапортах корпуса Лидерса лояльность большинства жителей Дунайских княжеств, в том числе представителей их элит, к присутствию русских войск может быть объяснена их естественной заинтересованностью во внутривосточной стабилизации. Пророссийским настроениям среди румын (независимо от того, подданными какого государства они являлись) в определенной мере способствовала также материальная помощь русской армии трансильванским беженцам, покидавшим свои жилища вследствие боевых действий и разрушений. Как явствует также из рапортов, с приходом русских войск в Бухарест были приняты «деятельные меры к заготовлению продовольствия» посредством подрядов, и в результате «валахское правительство могло скоро видеть наполнение магазинов, долженствовавших обеспечить содержание войск в сем городе»³⁹. Нормальная экономическая

жизнь в валашской столице с установлением оккупационного режима совершенно не была парализована. Как бы то ни было, существовали и мощные импульсы к возобновлению массовых общественных движений в Дунайских княжествах. Они были связаны с нерешенностью аграрного вопроса, назревшими задачами румынского национального объединения и, не в последнюю очередь, с влиянием внешних факторов. Ведь ситуация в Валахии после подавления там «беспорядков» продолжала и далее находиться в тесной связи с положением в соседней, габсбургской Трансильвании, тем более, что, как постоянно отмечалось в рапортах, «главные зачинщики» волнений в Дунайских княжествах, бежав в пределы Австрийской империи, пребывали «в непрерывных сношениях с неблагонамеренными лицами, оставшимися в Валахии, и вместе с ними старались поддерживать надежды поселян» на возобновление мятежа и «разделение между ними боярских земель, обещанных им революционерным (так в тексте. — А. С.) правительством»⁴⁰.

В начале 1849 г. корпус генерала Лидерса был ненадолго введен в Юго-Восточную Трансильванию по просьбе австрийской стороны в целях защиты жителей гг. Херманштадта и Кронштадта, преимущественно немцев, как правило, лояльных Габсбургам, от нападений венгерской революционной армии генерала Бема⁴¹. Решение о военной поддержке соседней державы было опять-таки принято после долгих колебаний. «Государь Император признает и теперь, как и прежде, неудобным вооруженное с нашей стороны вмешательство во внутренние дела Австрии, — читаем мы в одном из рапортов, — тем более, что они клонятся по-видимому к благоприятной развязке; в таких обстоятельствах вступление войск наших, не вынужденное крайнею необходимостью, неминуемо затруднило бы общие в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее время поводом к подобному вмешательству других правительств во вступление во внутренние дела соседних государств. Но его Величество, по свойственному ему человеколюбию, не может не обратить милосердаго [так в тексте. — А. С.] внимания на явную опасность, которой подвергаются верные своему законному государю жители Германштадта и Кронштадта в столь близком расстоянии

от расположения войск наших. Следуя сим только высоким побуждениям, его Величество находит возможным двинуть часть войск наших на защиту этих городов от гибели и разорения, но иначе как в самой крайности и только по настоятельной просьбе австрийского военного начальства»⁴².

Армейские рапорты, повествующие об этой кратковременной военной операции, как и о следующей, относившейся к лету 1849 г., пестрят сообщениями о том, что «во время движения наших войск... они были везде радушно встречаемы жителями, в особенности жители Кронштадта старались изъявлением радости доказать признательность за великодушное вспомоществование, оказанное им государем императором», равно как и о том, что толпы народа цветами и громкими криками приветствовали «успокоителя Трансильвании» генерала Лидерса, в квартиру которого постоянно приходили депутации благодарных жителей края⁴³.

Однако зимняя операция 1849 г. совершенно не решила поставленных задач, поскольку масштабные боевые действия, создававшие угрозу мирному населению, продолжались и после отвода из Трансильвании корпуса Лидерса, а войско Бема сохраняло тактическую инициативу⁴⁴. Следующее вступление 5-го пехотного корпуса из Дунайских княжеств в Трансильванию состоялось летом 1849 г. и стало частью похода 200-тысячной русской армии под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича, направленного на подавление венгерской революции⁴⁵. В Валахии и Молдавии к этому времени ситуация была довольно стабильной: «В пределах Княжеств сохраняется спокойствие, ненарушимо и со стороны правительства [так в тексте. — А. С.] оказывается во всех случаях готовность к полному удовлетворению потребностей войск. В направлении умов в крае незаметно особенных волнений, законным властям оказывается совершенное повиновение. Успешное действие русских войск в Трансильвании заставило умолкнуть и тех недоброжелателей общественного порядка, которые в успехах венгерцев старались находить опору для своих мнимых надежд», — сообщалось в одном из рапортов⁴⁶.

В рапортах, отражающих пребывание корпуса Лидерса в Трансильвании, уделяется должное внимание межнациональным

трениям, свидетелями которых стали русские офицеры. В донесениях, относящихся уже к осени 1849 г., периоду после подавления венгерской революции, отмечалось, что, хотя «законный порядок в этом крае довольно быстро водворился», «ненависть между племенами не потеряла своей силы»⁴⁷. Позже эта тема находит отражение и в мемуарах участников кампании. Наиболее обстоятельные описания межэтнических отношений оставил полковник М. Дараган⁴⁸, чьи рапорты о ситуации в Трансильвании, относящиеся к 1848–1849 гг., хранятся в том же фонде РГВИА (Ф. 846. Оп. 16). О своих впечатлениях от посещения города Кронштадта Дараган записал: «Дако-ромун, запертый в самые вершины ущелий, в отдаленные предместья города, смотрит с порога своей бедной греческой церкви на великолепные храмы и огромные дома немцев, венгерцев и секлеров [венг.: секеи. См. выше. — А. С.] и обдумывает планы своего запоздалого мщения. Тут вся история Трансильвании. В Кронштадте осязаешь ее»⁴⁹. Впрочем, российскому очевидцу показались далекими от идиллических и отношения между привилегированными этносами: описанные племена, «столь разнородные, жили на таком тесном участке земли, чураясь друг друга. Несколько сот лет не могли их сблизить: сосед не узнал языка соседа, ни разу не породнился; один и тот же город называется каждым племенем по-своему. Такие отношения, естественно, породили недоверчивость, вражду, презрение или ненависть одного народа к другому»⁵⁰. Вплоть до полного вывода из Трансильвании к началу 1850 г. российских войск им приходилось прилагать постоянные усилия для того, чтобы удерживать ситуацию под контролем, поскольку властные структуры австрийского неоабсолютизма находились лишь в процессе формирования.

Острые конфликты 1848 г.⁵¹, надолго сохранившись в исторической памяти каждой из наций, еще больше усугубили их противостояние. Уже осенью 1849 г. русские военные наблюдатели обратили внимание на бесплодность попыток венских властей после подавления венгерской революции установить в Трансильвании порядки, удовлетворяющие все национальные группы: «Введение нового гражданского устройства и конституции, дарованной австрийским императором подведомственным ему

народам, встречает в Трансильвании много затруднений по разнородности элементов, составляющих народонаселение того края»⁵². Подъем национального движения румын Трансильвании пришелся на 1860-е годы, когда эпоха неоабсолютизма в истории монархии Габсбургов сменилась периодом конституционных экспериментов. Однако соглашение дома Габсбургов с венгерской политической элитой и соответственно трансформация в 1867 г. Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгрию, создав условия для полного растворения Трансильвании с ее неповторимой спецификой в венгерском унитарном и национальном государстве, нанесли большой силы удар по румынским чаяниям. Со временем, когда для этого созрели объективные предпосылки, румынское национальное движение, разочаровавшись в перспективах реализации своих идеалов в рамках Австро-Венгрии, стало искать пути самоопределения трансильванских румын вне ее пределов, а, значит, по сути — на её руинах⁵³. Соглашение 1867 г., явившееся компромиссом Вены с наиболее мощным, венгерским национальным движением, достигнутым за счет других народов полиэтничной Империи, лишь на полвека продлило существование Габсбургской монархии. При сохранявшейся нерешенности национального вопроса она пала в результате поражения в Первой мировой войне, в условиях, когда целый ряд проживавших в ней народов, включая трансильванских румын, сделал выбор в пользу совсем иных государственных проектов, в том числе великорумынского.

Многие активные участники бурных событий лета 1848 г. в Валахии, бежавшие за границу, смогли вернуться на родину довольно скоро, в 1849 г., после амнистии, объявленной полномочным турецким эмиссаром Фуадом эфенди от имени султана. В записях журнала корпуса Лидерса, относящихся к началу осени 1849 г., давалась следующая характеристика ситуации: «В Дунайских княжествах всё это время было спокойно и возвращались из-за границы люди, принадлежавшие и причастные к бывшему в Валахии возмущению, коим въезд в Княжество по последнему фирману его величества султана не воспрещен. При настоящих обстоятельствах у них начинали вновь возрождаться надежды осуществить престоупные замыслы. На тайных сходбищах,

а иногда и публично они высказывали свои мнения, основываясь на симпатии к ним турок. При теперешнем занятии Княжеств нашими войсками в довольно значительном числе нельзя предполагать каких-либо покушений, но бдительное наблюдение и пребывание здесь наших войск остаются совершенно необходимыми для предупреждения беспорядков»⁵⁴. В дальнейшем, уже после полного вывода в 1851 г. из Дунайских княжеств как российских, так и турецких войск, многие активисты движения 1848 г., не только негативно относившиеся к царскому абсолютизму, но считавшие Органические регламенты и российский протекторат тормозом на пути дальнейшего развития, были использованы османской политикой в интересах вытеснения российского влияния⁵⁵. Новые осложнения в российско-турецких отношениях привели, как известно, к Крымской войне. В конце 1850-х годов, в новой обстановке, сложившейся после войны и вследствие Парижского мира 1856 г., эти деятели приняли активное участие в подготовке объединения Дунайских княжеств, состоявшегося в 1859 г.

Армейские рапорты, отражающие участие 5-го пехотного корпуса генерала А.Н. Лидерса в «наведении порядка» в Дунайских княжествах (а также в Трансильвании) во время всеевропейской революционной волны 1848–1849 гг., равно как и депеши с инструкциями, направлявшиеся из Санкт-Петербурга военачальникам и дипломатам в связи с вводом русских войск в румынские земли, позволяют глубже осмыслить мотивы подключения России к военным кампаниям за пределами Империи, пролить дополнительный свет на российско-турецкие отношения в годы, предшествовавшие Крымской войне, реконструировать непосредственное участие российских воинских частей как в боевых действиях, так и в поддержании внутривосточной стабильности в сопредельных Российской империи странах. В опровержение некоторых стереотипов о России как «европейском жандарме», документы показывают, что Николай I и его окружение в рассматриваемый период, как правило, лишь после долгих колебаний давали согласие на военные интервенции за рубежами державы. К этому российская правящая элита склонялась лишь при крайних обстоятельствах, из опасений, что революционный очаг, разгоревшийся

в непосредственной близости от российских границ, представит угрозу целостности Империи либо (как в случае с Дунайскими княжествами) слишком резко изменит соотношение сил в соседних регионах не в пользу России. При этом нежелание вмешиваться без острой надобности во внутренние дела соседей имело в определенном смысле концептуальный характер, поскольку, с точки зрения Николая I и его окружения, такое вмешательство было способно затруднить «общие в Европе политические отношения и могло бы служить на будущее поводом к подобному вмешательству других правительств» во внутренние дела других государств. Что касается венгерской кампании 1849 г., то только реальная угроза полного краха Дунайской империи⁵⁶ побудила Петербург сначала к краткосрочной отправке отрядов корпуса генерала Лидерса из Валахии в Южную Трансильванию, а затем и к согласию на большее — на направление в пределы Габсбургской монархии 200-тысячной армии фельдмаршала Паскевича, перед которой, осознав неравенство сил, и сложило оружие венгерское революционное войско.

Рапорты корпуса Лидерса интересны и тем, что демонстрируют союзнические отношения России и Турции перед лицом революционных событий 1848 г. в Средней Европе, их тесное сотрудничество в «наведении порядка» в Валахии. Ценность этих документов заключается и в том, что они помогают с точностью реконструировать ход боевых действий в Трансильвании между австрийской императорской армией (и пришедшим ей на помощь 5-м пехотным корпусом русской армии), с одной стороны, и венгерским революционным войском генерала Ю. Бема, с другой, а также передвижений его армии в связи с вынашиваемыми этим талантливым полководцем стратегическими планами.

Рапорты русских офицеров ценны и как источник, содержащий описание политической ситуации в Дунайских княжествах и Трансильвании, в них находят отражение межнациональные противоречия в Трансильвании, причем, активное участие польских революционеров в событиях позволяло теснее увязать ситуацию в далеком крае с положением в самой России, с реальной или мнимой угрозой польского национального движения территориальной целостности Российской империи.

Революционные события 1848 г. в Дунайских княжествах стали важным этапом в процессе борьбы румын за национальное объединение. Можно согласиться с В.Н. Виноградовым, по мнению которого значение революции 1848 г. в Валахии «состояло в том, что она подвела итоги многовекового развития, показала бесперспективность дальнейшего существования княжеств порознь и утвердила национальный принцип как идеологическую основу их объединения и дальнейшей эволюции в сторону государственной независимости. Интервенция насильственно прервала развитие назревших процессов, но не могла положить им конец и тем более повернуть историю вспять»⁵⁷.

Идеалы румынского национального объединения, проявившиеся в движении 1848 г., нашли воплощение через десятилетие, в новых исторических условиях, при ином раскладе сил на международной арене, сложившемся после Парижского мирного договора 1856 г.

Примечания

- ¹ Подробнее о ситуации в Молдавском княжестве и программе сил, выступавших за структурные реформы, см.: Виноградов В.Н. Молдавия в 1848 г. // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. редактор С.М. Фалькович. М., 2001. С. 404–408.
- ² О положении в Дунайских княжествах после Адрианопольского мирного договора 1829 г. и политике России (введение в обоих Княжествах первых конституций — Органических регламентов, другие реформы графа П.Д. Киселева, возглавлявшего до 1834 г. российскую администрацию) см.: Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е гг. XIX в.). М., 1966; Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. / Отв. редактор В.Н. Виноградов. М., 1990. С. 114–132.
- ³ Цит. по публикации документов: Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. 1938. № 4–5 (89–90). С. 183.
- ⁴ Там же. С. 184.
- ⁵ См. подробно: Джапаридзе Э.А. Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах (из предыстории революции 1848 г.). М., 1991.
- ⁶ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 184–186.
- ⁷ С тем, чтобы противодействовать этим толкованиям, 30 апреля (12 мая) 1848 г. Нессельроде изложил российскому послу в Вене П.И. Медему свои соображения, «диктуемые правом покровительства», заставившим в период европейских потрясений послать А.О. Дюгамеля с экстраординарной миссией в Дунайские княжества. Как отмечалось, в случае ухудшения ситуации «чисто моральное влияние» было бессильно оградить Княжества «от воздействия демагогии». Соответствующие инструкции были даны и главе российского посольства в Лондоне Ф.И. Бруннову.

- ⁸ *Виноградов В.Н.* Валахия: незавершенная революция // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 409–415; Дунайские княжества // Международные отношения на Балканах, 1830–1856 гг. С. 206–223.
- ⁹ Из работ о положении в Трансильвании в 1848–1849 гг., отражающих взгляд румынской историографии на проблему, см.: *Maior L.* 1848–1849: Români și unguri în revoluție. București, 1998. Взгляд российской историографии представлен В.Н. Виноградовым: Трансильванская трагедия // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 422–444.
- ¹⁰ Дешеша от 27 июня 1848 г. военного министерства дислоцированному в Бессарабии, на границе с Молдавским княжеством, военному соединению предписывала «решительно не переходить» границы, а если до получения депеш войска уже успели вступить в Молдавию, то «ни под каким предлогом не переходить» реку Сирет, за которой начиналась Валахия. Русские войска должны были оставаться в крае лишь до прихода турецких войск «в числе достаточном для восстановления порядка», и занятие Молдавии следовало объяснить Порте как меру временную, «вынужденную крайними обстоятельствами и неотложной необходимостью для ограждения границ наших от соприкосновения возмутительного духа, распространившегося в Княжествах». А поскольку с прибытием турецких войск порядок неизбежно восстановится, русским войскам было предписано тотчас возвратиться в пределы Империи и «встать в прежнем обсервационном положении» вдоль приграничной реки Прут на ее левом берегу. Оставить войска в Молдавии можно было лишь при настоятельной просьбе турок либо вследствие каких-либо непредвиденных обстоятельств, заставляющих действовать силою оружия, однако и в этом случае «не иначе как по положительной просьбе Порты Оттоманской и в соединении с турецкими войсками», не переходя «без особого Высочайшего разрешения» р. Сирет // Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 5333. Л. 236–237.
- ¹¹ *Egyed A. Erdély 1848–1849.* Csíkszereda, 2010.
- ¹² При царском дворе в этой связи опасались, что на территорию приграничного с Российской империей Молдавского княжества вместе с беженцами проникнут и бунтовщики, способствующие дестабилизации там внутренней обстановки.
- ¹³ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 193. В депеше от 8 (20) июля 1848 г. графа Нессельроде послу в Вене П.И. Медуему говорилось о том, что Россия стоит «перед печальной необходимостью совместно с Портой изыскать меры, чтобы остановить развитие событий» (Там же. С. 196).
- ¹⁴ Анализ программных требований общественных движений Валахии дает В.Н. Виноградов в: Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 409–412. Они включали в себя обеспечение некоторых демократических свобод, выборы в Учредительное собрание, формирующее правительство, реорганизацию системы налогообложения и судебной системы, ограниченную аграрную реформу. Народ в своих чаяниях зачастую шел дальше активистов политических движений, даже по признанию русских военных наблюдателей, требуя раздела боярских земель (см. рапорты лета 1848 г. — РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332), но временное правительство, пришедшее к власти в Валахии на волне событий, не было склонно к глубоким аграрным реформам.
- ¹⁵ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 193. Ср. с рапортом от 20 августа по линии военного министерства: «Число бродяг трансильванцев, венгров, поляков, немцев и всех классов людей без крова и пропитания, веры и чести, ежедневно в Бухаресте умножается, а вместе с тем и смуты в народе». Здесь и неоднократно ниже, кроме особо оговоренных случаев, военные рапорты вступившего в Молдавию и Валахию 5-го пехотного корпуса приводятся без указания

номеров листов по архивному делу, содержащему рапорты за июль–октябрь 1848 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Использование нами при цитировании источников заглавных букв внутри предложений отвечает нормам сегодняшнего правописания («турки», а не «Турки», «император», а не «Император» и т.д., исключение сделано лишь для «его Императорского Величества» и «Всеавгустейшего монарха»). Частично опубликовано в: *Campania militară țaristă în Țările Române la 1848–1850. Documente militare. Volumul III. Komarov & Nepocoiciți: Jurnalul de campanie // Coordonare Ela Cosma. Editarea documentelor rusești: Tatiana Onilov, Angela Stîcalin-Colin, Alexander Stykalin. Cluj- Napoca (Romania) — Gatineau (Canada), 2016–2017.*

16 Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 194–195.

17 Там же. С. 194. Как заметил Медем в своем донесении Нессельроде, Эстерхази признал честность обозначенной российской позиции.

18 В этом плане показательна записка Нессельроде Николаю I от 15 (27) июня 1848 г. // Там же. С. 190–192. О ситуации в польских землях и состоянии польского вопроса на международной арене в 1848–1849 гг. см.: *Макарова Г.В., Фалькович С.М.* Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. // *Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии.* С. 190–304.

19 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332.

20 Там же.

21 Там же. В военных рапортах за август–сентябрь 1848 г. читаем о том, что поляки «по одиночке, по два и по три человека, но с пашпортами пробираются в Валахию» для участия в бунте; о появлении в уезде Бузеу «шайки злоумышленников поляков, венгров и другого сброду людей числом до 200» и т.п.

22 Показательно позитивное отношение к Бему не только в Венгрии, где он почитается как одна из культовых фигур в истории венгерской революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг., но и в румынской историографии. См., в частности: *Cosma E.* Nouă luni în Transilvania (decembrie 1848 — august 1849). *Generalul Józef Bem în corespondență, proclamații, documente.* Cluj-Napoca, 2011.

23 Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 195–197.

24 Речь идет о командированном в Валахию из Константинополя высокопоставленном эмиссаре и о командующем гарнизоном в одной из близлежащих крепостей.

25 Здесь и далее: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 74.

26 Там же. Л. 79–80.

27 Город состоит из двух частей, разделенных узкой рекой, одна из которых относилась к Молдавскому, а другая (меньшая) — к Валахскому княжеству.

28 Здесь и далее см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 80–88.

29 Это была довольно распространенная в те недели форма протестной активности, свидетельствующая о том, что неприятие действующего режима распространялось и на его юридические основы, заложенные администрацией графа П.Д. Киселева после 1829 г.

30 Если верить всё тем же армейским донесениям, «к вечеру совершенная безопасность водворилась в Валахских Фокшанах, жители предавались обыкновенным развлечениям, собрались слушать игравшую до поздней ночи музыку Люблинского егерского полка». Можно заметить также, что рапорты корпуса Лидерса содержат некоторые упоминания о жестокостях турок в отношении мирного румынского населения, но в них нет никакой конкретики о том, почему имена «русского» и «казака» могли внушить страх православным румынам.

- ³¹ Здесь и далее см.: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 84–88.
- ³² Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 197–198.
- ³³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 65–69.
- ³⁴ Цитируемый документ опубликован в подборке: «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо необходимо». Межэтнические распри в Трансильвании в условиях венгерской революции 1848–1849 гг. и российское военное присутствие в Дунайских княжествах / Публ. А.И. Колин, А.С. Стыкалин // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. VI. К 150-летию образования Австро-Венгерской империи / Отв. редакторы И.В. Крючков, О.В. Павленко. Ставрополь, 2018. С. 159.
- ³⁵ Там же. С. 158.
- ³⁶ Прибор за обеденным столом (устаревш.)
- ³⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 153–156. Не менее красочно Непокойчицким описано празднование турками Байрама, куда были приглашены генералы и обер-офицеры корпуса Лидерса, а также русские дипломаты (Там же. Л. 127–128). Как резюмировано в том же документе, «во всех отношениях с турецкими войсками, как служебных, так и частных, соблюдается офицерами примерная вежливость, в чем начальники оных, руководствуясь наставлениями г. корпусного командира, подают им пример на каждом шагу» (Там же. Л. 130).
- ³⁸ Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С. 203–204.
- ³⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 85.
- ⁴⁰ Там же. Л. 205. Как отмечалось в донесении от 13 февраля 1849 г., «в Молдавии и Валахии всё спокойно, хотя жители, подстрекаемые тайными злоумышленниками, показывают в Валахии некоторую непокорность и питают надежду на близкое возвращение революции. С декабря месяца эта надежда не только не потухает, но становится сильнее, и ожидания не простираются далее как на март месяц. Г. корпусный командир [Лидерс. — А. С.] сделал распоряжение о принятии самых строгих полицейских мер к открытию злоумышленников» (Там же. Л. 198).
- ⁴¹ См. посвященную этой военной операции комментированную подборку документов: «Пребывание наших войск в Германштадте и Кронштадте теперь более, чем когда-либо, необходимо». О ходе боевых действий в Трансильвании см.: *Armies, Commanders, Leaders in Transylvania (1848 — 1849) / Armate, comandați, conducători in Transilvania (1848–1849) // Volume of studies coordinated by Ela Cosma. Academia Română. Cluj-Napoca — Gatineau, Canada, 2013.*
- ⁴² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5332. Л. 208–209. «Желая, чтобы движение сие не было приписано к каким-либо политическим видам, его Величество повелел, чтобы пребывание войск наших в австрийских владениях, если бы оно и оказалось действительно необходимым, было самое кратковременное и именно продолжалось не более нескольких дней».
- ⁴³ Там же. Д. 5357. Л. 285–296. Ср. с весьма показательными свидетельствами из мемуаров отставного офицера Ф. Григорова, участвовавшего в венгерской кампании 1849 г. в качестве адъютанта известного военачальника генерала Ф.В. Ридигера: «В тех городах и местечках (речь идет о Верхней Венгрии, нынешней Словакии. — А. С.), через которые проходили войска, вывешивались флаги: для нас белые, для австрийцев желтые с черным, а для венгерцев — зеленые с красным, и каждый дом имел в готовности таких три флага, которые выносились по мере надобности». См.: *Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 г. (адъютанта графа Ф.В. Ридигера) // Русская старина. 1877. Т. XXIX (июнь). С. 498–499.*

- 44 С точки зрения Р. Херманна, ведущего венгерского специалиста по истории революции и национально-освободительной войны 1848–1849 гг., зимняя операция Лидерса вообще означала полное фиаско. См.: *Германн Р.* Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. Будапешт, 2002. С. 3.
- 45 Там же. С. 7–11; *Виноградов В.Н.* Венгерский поход И.Ф. Паскевича 1849 г.: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 80–96.
- 46 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 330.
- 47 Там же. Л. 297.
- 48 *Дараган М.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 г. СПб., 1859.
- 49 Там же. С. 67.
- 50 Там же. С. 5.
- 51 См.: *Виноградов В.Н.* Трансильванская трагедия // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 422–448.
- 52 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 285–296.
- 53 См.: Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки. М., 2018.
- 54 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5357. Л. 285–296.
- 55 Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 415.
- 56 Представление официального Петербурга о монархии Габсбургов как «европейской необходимости» следующим образом выразил граф Нессельроде в своей записке Николаю I от 15 (27) июня 1848 г.: «Пустота, которую создаст в Европе исчезновение такой древней монархии как Австрия, будет до того огромна, и заполнить ее будет так трудно, что она еще может долго стоять, за отсутствием чего-нибудь, что можно было бы поставить на ее место» (Австрийская революция 1848 г. и Николай I. С.191).
- 57 Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. С. 416.